

Посвящается Джуд

«Мир безумен, еще безумнее, чем мы думаем,
Неисправимо пестр...»

— *Луис Макнис*¹, «Снег»

---

¹ Луис Макнис (1907—1963) — английский поэт ирландского происхождения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«ФОРЕЛЬ»

Глава 1

ЗАЛ-НА-ТЕРРАСЕ

В трех милях вверх по Темзе от центра Оксфорда, вдалеке от людного участка реки, где Иордан, Габриэль, Баллиол и еще пара дюжин именитых колледжей состязались за первенство на веслах, — в общем, там, откуда город казался лишь толчеей башен и шпилей, вздымающихся над туманным лугом Порт-Медоу¹, — стоял монастырь Годстоу², где кроткие монахини предавались своим богоугодным делам; а напротив монастыря, через реку, расположился трактир «Форель».

Трактир, привольно раскинувшийся на берегу, был старей, каменной кладки, большой, но уютный. Над рекой тянулась терраса, где расхаживали павлины (одного звали Норман, другого — Барри), бессовестно под-

---

¹ Порт-Медоу — большой дуг на берегу Темзы, к северо-западу от Оксфорда, с древних времен служивший пастбищем общественного пользования.

² В исторической реальности от аббатства Годстоу сохранились только развалины. Этот женский монастырь, построенный в первой трети XII столетия, прекратил свое существование в 30-е годы XVI века, при Генрихе VIII, упразднившем монастыри по всей Англии.

крепляясь закусками со столиков и время от времени задирая головы, чтобы испустить свирепый и бессмысленный вопль. Имелся в трактире и закрытый бар, где местные сливки общества, если можно так назвать университетских профессоров, собирались, чтобы выкурить трубочку за кружкой эля; и бар открытый, где лодочники и батраки с окрестных ферм посиживали у камина и поигрывали в дартс, сплетничали за стойкой, заводили шумные споры или просто потихоньку заливали глаза; имелась кухня, где жена трактирщика каждый день готовила бычью ногу на вертеле, вращая его над очагом при помощи хитроумной системы цепей и блоков; и, наконец, имелся мальчик на побегушках, Малкольм Полстед.

Малкольм — одиннадцати лет от роду, рыжий, невысокий и крепко сбитый — был сыном трактирщика, единственным ребенком в семье. Он вырос любознательным и дружелюбным, и в улверкотской начальной школе¹, куда он ходил, всего за милю от дома, друзей у него хватало, но все-таки больше всего Малкольм любил играть сам по себе, со своим деймоном Астой. У них была лодка — каноэ с гордым именем «La Belle Sauvage» — что по-французски означало «Прекрасная дикарка». Один приятель-весельчак решил, что выйдет забавно, если переправить «v» на «s», и «Дикарка» превратилась в «Сосиску». Малкольм попытался закрасить царапины и некоторое время терпеливо трудился, но после третьего слоя краски рассвирепел и столкнул того придурка в воду, после чего они заключили перемирие.

¹ Улверкот (Уолверкот) — деревушка на берегу Темзы, приблизительно в 5 км к северо-западу от центра Оксфорда и к северу от Порт-Медоу.

Как и всякому сыну трактирщика, Малкольму приходилось помогать родителям: мыть посуду, разносить полные тарелки и кружки и забирать со столиков опустевшие. Это его ничуть не огорчало: работа есть работа. Только одно портило ему жизнь — судомойка Элис, высокая худощавая девица с темными волосами, которые она зачесывала назад и собирала в жидкий хвостик. Ей было всего пятнадцать, но на лбу и в уголках рта уже наметились складки — так часто она хмурилась от досады на саму себя. Малкольма она принялась дразнить с первого же дня, как устроилась на кухню: «Эй, Малкольм, а как твою подружку звать? Что значит “нет подружки”? А с кем это ты гулял вчера вечером? Ну и как, поцеловал ее? Ты что, еще ни разу не целовался?» Он долго старался не обращать внимания, но в конце концов не вытерпела Аста: накинувшись на деймона Элис, она швырнула этого тощего галчонка прямо в лохань с мыльной водой и принялась кусать и трепать, пока Элис не завизжала и не запросила пощады. Потом она, конечно, нажаловалась матери Малкольма, но та заявила: «Поделом тебе! Не жди, что я тебя пожалею. И впредь держи свой бесстыжий язык за зубами».

С тех пор Элис помалкивала. Они с Малкольмом старательно не замечали друг друга: он ставил стаканы на сушилку, она брала их и мыла, а он вытирал и нес обратно в бар — и все это в полном молчании, не обменявшись ни словом, ни взглядом. Малкольм не то что говорить — даже думать о ней не желал.

Но вообще трактирная жизнь была ему по душе. Особенно разговоры, которые иногда удавалось подслушать. Интересно было все, о чем бы ни толковали завсегдагаи, — о продажных чиновниках из Комиссии по очистке рек,

о правительстве, которое, очевидно, состояло сплошь из беспомощных идиотов, или, что было лучше всего, о философских материях. Например, что старше — Земля или звезды?

Беседы такого сорта порой настолько его захватывали, что, устав стоять с пустыми стаканами в руках, Малкольм пристраивал их на стол и встревал в разговор — но сперва непременно прислушивался и старался вникнуть. Многие ученые из университета, да и прочие посетители знали его в лицо и по имени и не скупилась на чаевые, но Малкольм никогда не стремился разбогатеть: деньги, полученные от чужих щедрот, казались ему милостью судьбы, он привык считать себя везунчиком, и впоследствии это пошло ему на пользу. Будь он из тех мальчишек, к которым прилипают клички, его наверняка прозвали бы Профессором, но Малкольм был не из таких. Когда его замечали, он людям нравился, да только замечали его нечасто, — и это тоже оказалось к лучшему.

Еще один мир, в котором Малкольма считали своим, лежал по ту сторону реки, сразу за мостом, до которого от трактира рукой было подать, — в серых каменных зданиях, среди зеленых полей, ухоженных садов и огородов монастыря святой Розамунды¹. Монахини сами обеспечивали себя почти всем необходимым: выращивали овощи и фрукты, держали пасеку, шили великолепные церковные облачения и продавали их за золото,

---

¹ В исторической реальности монастырь Годстоу тоже был связан с именем Розамунды, но не святой: в церкви этого аббатства была похоронена знаменитая красавица Розамунда Клиффорд (ум. ок. 1176), возлюбленная короля Генриха II. Позднее ее останки перенесли из церкви на монастырское кладбище, сильно пострадавшее при разорении монастыря в XVI веке; до наших дней могила не сохранилась.

не стесняясь торговаться. Но все же и у них порой возникала нужда в услугах расторопного мальчишки: то сбегать с поручением, то починить стремянку под надзором пожилого плотника Тапхауса, то принести рыбу из Медли-Пондс, рыбацкой заводи чуть ниже по течению. «Прекрасная дикарка» тоже помогала добрым монахиням: не раз и не два Малкольм отвозил сестру Бенедикту на станцию почтовых дирижаблей с драгоценной посылкой — епитрахиями, ризами или казулами для епископа Лондонского, который, судя по всему, носил свои облачения, не снимая ни днем, ни ночью (иначе совершенно непонятно, почему они так быстро изнашивались). И в каждой такой неспешной поездке вниз по реке и обратно Малкольм узнавал много нового.

— Сестра Бенедикта, а как это у вас ихние посылки так аккуратно выходят? — спросил он однажды.

— Их посылки, — поправила сестра Бенедикта.

— Ага, их. Как это они выходят так аккуратно?

— «Такими аккуратными», Малкольм.

Малкольм не обижался. Это была игра, в которую они с сестрой Бенедиктой играли уже давно. Но последнее замечание его смутило:

— Я думал, «аккуратно» тоже можно.

— Все зависит от того, что ты хочешь назвать аккуратным: сам процесс или его результат.

— Ну ладно, неважно, — сдался Малкольм. — Я просто хотел спросить, как это вы... *их* так ловко заворачиваете.

— Когда в следующий раз буду собирать посылку, обязательно тебе покажу, — пообещала сестра Бенедикта и слово свое сдержала.

Малкольм обожал монахинь — за то, что они вообще всё делали аккуратно, и за то, с какой любовью сажали плодовые деревья вдоль шпалер у солнечной стены сада, и за прелестные голоса, которыми возносили хвалы Господу в общем хоре, и за все те маленькие благодеяния, которые они оказывали разным людям. И разговаривать с ними о религии было интересно.

— А вы знаете, что в Библии сказано, будто Бог сотворил мир всего за шесть дней? — спросил он однажды старенькую сестру Фенеллу, заглянув на кухню, чтобы помочь ей с готовкой. Монастырская кухня была огромная, с высокими потолками.

— Так оно и было, — подтвердила сестра Фенелла, вымешивая тесто.

— А откуда же тогда взялись все эти ископаемые, которым уже сто миллионов лет?

— Ах, это! Ну, видишь ли, в те времена дни были куда длиннее, — пояснила монахиня. — Ты уже нарезал ремень? Давай не зевай, а то я тебя обгоню. Тесто уже готово.

— А почему мы режем ремень этим ножом, а не старыми? Старые острее.

— В ремне — щавелевая кислота, — ответила сестра Фенелла, выкладывая тесто на противень. — Поэтому его лучше резать нержавеющей сталью. Поддай-ка мне сахар.

— Щавелевая кислота, — повторил Малкольм, с удовольствием пробуя новые слова на вкус. — Сестра Фенелла, а что такое казула?

— Это такое церковное облачение. Священники надевают казулу поверх стихаря.

— А почему другие сестры шьют, а вы — нет?

Деймон сестры Фенеллы, белка, сидевшая рядом с ней на спинке стула, тихонько зацокал.

— Каждый делает, что умеет, — ответила монахиня. — В вышивке я не сильна. Только посмотри, какие у меня толстые пальцы! Зато сестры хвалят мои пироги.

— И мне ваши пироги нравятся, — сказал Малкольм.

— Спасибо, мой хороший.

— Почти такие же вкусные, как мамины. Только у мамы они пышнее. Наверное, вы тесто тоньше раскатываете.

— Да, наверное.

На монастырской кухне ничего не пропадало зря. Из обрезков теста, оставшихся от пирогов с ревенем, сестра Фенелла налепила корявеньких крестиков, пальмовых ветвей и рыбок, украсила их смородиной, посыпала сахаром и поставила печься на отдельном противне. Кресты, ветви, рыбки — все имело свой религиозный смысл, но из-под рук сестры Фенеллы они все выходили почти одинаковыми («Видишь, какие толстые у меня пальцы!»). Малкольму удавалось лучше, но ему пришлось как следует вымыть руки, прежде чем его допустили к тесту.

— А это печенье кто-нибудь ест? — поинтересовался он.

— О, рано или поздно съедают все до крошки. Гости иногда не прочь получить что-нибудь к чаю.

Монастырь стоял у моста, так что мимоезжих путников здесь хватало, и многие заворачивали к сестрам переночевать. «Форель», разумеется, тоже не жаловалась на недостаток гостей: каждый вечер в трактире оставались на ночь человека два-три, а с утра Малкольм подавал им за-

втрак, но все это были рыбаки или «коммерсанты», как называл их отец, — разъездные торговцы курительным листом, скобяным товаром или всякой технической всячиной, полезной в фермерском хозяйстве. В монастыре же останавливались гости куда более важные: высокородные дамы и господа, порой даже епископы или священники, — короче, все те знатные особы, которые не имели связей с университетом и не могли рассчитывать на гостеприимство в одном из городских колледжей. Однажды даже приехала настоящая принцесса и осталась на целых шесть недель, но Малкольму удалось увидеть ее только дважды. Принцессу отправили в монастырь в наказание. Ее деймон-горноста́й злобно скалился на всех и рычал.

Малкольм помогал управляться и с этими гостями: ходил за лошадьми, чистил обувь, носил письма и иногда получал монетку-другую. Все деньги отправлялись в жестяного моржа-копилку, стоявшего дома, у него в комнате. Малкольм нажимал моржу на хвост, чтобы тот разинул пасть, и просовывал монетку между клыками, один из которых когда-то отломался, но был приклеен на место. Сколько там уже набралось денег, Малкольм не знал, но морж был увесистый. Когда-нибудь накопится столько, что можно будет купить ружье... Только, наверное, придется еще подождать, потому что вряд ли отец разрешит.

А пока мальчик разглядывал путников, простых и знатных, — смотрел и учился. Пожалуй, думал он, нигде в целом свете не узнаешь столько всего о жизни, как здесь, в этой маленькой излуцине реки с трактиром на одном берегу и монастырем — на другом. Рано или поздно он вырастет и станет помогать отцу

за стойкой, а потом, когда родители состарятся, дело перейдет к нему. Малкольма это вполне устраивало. Если уж суждено стать трактирщиком, то места лучше «Форели» и не придумаешь. Здесь можно посмотреть на мир, не сходя с места, и всегда найдется с кем поговорить: ученые и всякие интересные люди заходили сюда часто. Но на самом деле мальчику хотелось совсем другого. Будь его воля, он бы сам стал ученым — занялся бы астрономией или экспериментальной теологией и совершал бы великие открытия, проникая в тайную суть вещей. Вот бы какой-нибудь философ взял его в ученики — до чего было бы здорово! Да только об этом и мечтать не стоило: улверкотская начальная школа готовила будущих ремесленников или, в лучшем случае, клерков, и уже в четырнадцать лет выпускала своих питомцев во взрослый мир, — а стипендию простому мальчишке с лодкой, пусть и смышленому, никто, конечно, не даст.

* * *

Настала и перевалила за середину зима, и вот однажды вечером в трактир вошли трое, не похожие на обычных посетителей. Они приехали на антарном автомобиле и направились напрямик в Зал-на-Террасе — самый маленький обеденный зал, выходявший окнами на террасу, откуда открывался вид на реку и монастырь. Этим залом в конце коридора даже летом почти никто не пользовался: окошки там были маленькие, а двери на террасу, вопреки названию, не было вовсе.

Малкольм уже доделал свое единственное, да и то совсем крошечное, домашнее задание (по геометрии) и с большим аппетитом поужинал ростбифом, йоркширским пудингом и печеным яблоком с кремом на закуску, когда отец окликнул его из бара.

— Пойди спроси, чего желают те джентльмены в Залена-Террасе, — велел он. — Сдается мне, они иностранцы и не знают, что напитки надо заказывать у стойки. Ждут, пока их обслужат.

Малкольм обрадовался: это было что-то новенькое. Войдя в маленький зальчик, он обнаружил, что трое джентльменов (а по ним было сразу видно, что они не из простых) столпились у окна и разглядывают что-то снаружи.

— Чем могу вам помочь, джентльмены? — спросил он.

Гости тут же, как по команде, отвернулись от окна. Двое заказали кларет, третий пожелал порцию рому. Когда Малкольм вернулся с напитками, джентльмены спросили, можно ли здесь поужинать, и если да, то что сегодня подают.

— Ростбиф, сэ. Очень вкусный. Честное слово, я сам только что ел.

— О, *le patron mange ici?*¹ — промолвил самый пожилой из троих, вслед за остальными придвигая стул поближе к столику. Его деймон, красивый черно-белый лемур, спокойно сидел у него на плече.

— Я здесь живу, сэ. Мой отец — хозяин «Форели», — объяснил Малкольм. — А мать готовит.

---

¹ Хозяин обедает здесь (*фр.*).

— Как тебя зовут? — спросил другой, самый высокий и худой из гостей, похожий на ученого, с густой седой шевелюрой и деймоном-выюром.

— Малкольм Полстед, сэр.

— Что это там, за рекой, Малкольм? — спросил третий, черноусый, с большими темными глазами. Какой у него был деймон, Малкольм не понял: тот лежал на полу, свернувшись клубком.

Само собой, на дворе уже стемнело, и гости не могли разглядеть за рекой ничего, кроме тусклых витражных окон часовни да фонаря, день и ночь горевшего над воротами.

— Это монастырь, сэр. Там живут сестры ордена святой Розамунды.

— А что это за святая?

— Не знаю, я у них никогда не спрашивал. Только видел картинку на витраже. Такая, знаете, большущая роза — и святая Розамунда там стоит, прямо внутри. Может, ее в честь этой розы и назвали. Надо будет спросить сестру Бенедикту.

— Так ты с ними знаком?

— Да я с ними каждый день вижу, сэр. Ну, почти каждый. Помогаю им немного — ну, знаете, то да се.

— А скажи-ка, к этим монахиням кто-нибудь приезжает? — спросил пожилой джентльмен. — Бывают у них посетители?

— Бывают, сэр, и частенько. Кто только не ездит. Вы уж простите меня, сэр, но что-то тут совсем холодно. Вы не против, если я разожгу камин? А нет, так, может, в бар перейдете? Там тепло и славно.